ЛЕТОПИСЬ ПАТРИОТА

На 65-летие Юрия ПОЛЯКОВА

ОДНО ИЗ ИЗВЕСТНЕЙШИХ (почему именно оно "в топе" — о том и речь) заявлений Юрия Полякова: "Если бы мне предложили альтернативу: сохраняется СССР, не будет жутких 90-х, не лишатся сбережений старики, но твои вещи будут напечатаны через 15-20 лет, — я бы с радостью согласился. Не стоит свобода слова разгрома страны, обобранных стариков, утраченных территорий!"

Т.е. память о первых всесоюзных, "громокипящих" повестях "ЧП районного масштаба" и "Сто дней до приказа" — не упоение, сами даты публикаций, экранизаций 198… оставляют лишь желание стереть! Отбросить все свои успехи — только вместе с той горба-ельцинской кунсткамерой, колышущимися в банках заспиртованными (буквально или переносно) уродцами.

Многие мысленно, вслух, печатно — формулировали "контракты" такого типа. С кем? А Кто в силах отменить то десятилетие, "отмотать плёнку"? Понятно ж, Кто.

И недавно, размышляя над "контрактом Полякова", я допустил еретическую мысль, что сей "Договор", не только был подписан, но, в некотором смысле, и реализован!

Сторона "Юрий Поляков" действительно уплатила 15-20-летней отсрочкой, правда — не "напечатанья". Ныне "танцуют все", и теперь оказаться

напечатанным — уж не товар! За это жизни кошки не выручишь — не то что ядерной державы. Другой важнейший (если не кривить душой) компонент жизни писателя — внимание, понимание литературоведов. Нет, народную любовь "никто не отменял", но именно реплики, статьи (в их массивной целокупности), отражающие и выражающие внимание этой особой прослойки, которые, может, и книг не покупают: "дарёными шкафы ломятся!" — даёт пропуск на магический "сервер" под названием "История литературы", к читателям грядущих десятилетий/веков…

Но уж так расставлены сейчас литературно-критические силы, что внесение сочинений Юрия Полякова на сей "сервер" — отсрочено на некие годы. Разобраны и "перемыты" все его политические высказывания, начиная с вынесенного в первый абзац этого текста — но нет, например, подробных исследований особого юмора его повестей. Своеобразного стиля, дающего некий "эффект парения". Я-то — не литературовед, и точно не в моей власти сократить/увеличить ту отсрочку профессионального понимания. Я моё читательское ощущение выражу тоже непрофессионально: лёгкость-летучесть текстов Полякова даёт такой эффект, словно герои летят над социально-политическими волнами, бурями — как бушпритные скульптуры или как героиня Уинслет в фильме "Титаник". Потому, кстати, в произведениях Полякова нет настоящих трагедий (если признаком таковых считать трупы, обильную стрельбу или резню). Архетип его драмы выражен в названии повести "ЧП районного масштаба". В комнату райкома комсомола забрались ребята, пили портвейн, унесли кубок и знамя. Последующая суета, смешная бестолковщина, както, на мой взгляд, предсказала ГКЧП уже другого масштаба, но, в общем, стилистика была угадана верно. Гена Янаев и будущий рекламщик пиццы — абсолютно "поляковские" персонажи.

Вторая "сторона договора" — столь же условно, "виртуально" выполнила свою часть: СССР сохранён, обобранных стариков "жутких 90-х" — нет!

"Как прикажешь тебя понимать, Саид?" Так, что на "одоговорённом" уровне, в сфере художественного воплощения, осмысления — развала страны, "жути" нет. Откройте "Козлёнка в молоке" — абсолютно те же люди, тот же уровень жестокости, насилия, что и в "ЧП", так же смешно. Внутрописательская комедия? Но и в "Демгородке" — политика в полный рост, вроде произошёл контрпереворот, "о необходимости которого всё время говорили" все кому не лень. И после всей "жути", "контржути" свергнутые демократы проживают — очень похоже на уволенных Маленкова, Молотова, Кагановича и примкнувшего к ним Шепилова.

Не в том интеллектуальном напряжении? Да Феликс Чуев на "этих отставников" пожалел бы и метра плёнки, и минуты времени… но, главный их вопрос: "уровень физического насилия"? — пыток нет. В "Небе падших" одна закадровая смерть бизнесмена тоже никак не иллюстрирует, что уровень насилия подскочил.

Общественный, политический деятель, публицист Юрий Поляков никому не даст усомниться в честности, гражданском мужестве: статья "Оппозиция умерла. Да здравствует оппозиция!" датированная 6 октября 1993 г., оказалась единственным в открытой прессе "протестом против утверждения демократии с помощью танковой пальбы по парламенту".

Расплата была именно та, которую я представлял в воображаемом договоре. Ю.Поляков: "Из школьной программы разом вылетели мои повести, из энциклопедий исчезла всякая информация обо мне. "Литературная газета", где я прежде был любимым автором, закрыла передо мной двери… Я не жалуюсь, хочу обратить внимание: любая власть борется с инакомыслием одинаково, начинает с замалчивания, а заканчивает замачиванием".

Т.е. вся "реальная жуть" — в интервью, политических заявлениях, публицистике Полякова, а в его художественном (подразделяющий термин Льва Толстого) герои так же парят над "бурями" — закавычивания просто просятся.

"Нищета"? Но любой бедствующий герой знаком — как правило, через одно рукопожатие (лично), максимум через два — с "новым русским", богачом, который рад поддержать, подкинуть работку, вложиться… И пред этими рукопожатиями "костлявая рука голода" — не более, чем жупел.

Если вдуматься, это "залиговывание" смеха СССР и смеха РФ, этих ЧП районных масштабов с жутями 90-х — играло и играет колоссальную национальную (вот тут без кавычек) роль! Сшивание разрыва, димедрол для народа, (не опиум!), смехо-опровержение самой идеи гражданской войны, спасительное пушкинское "всё те же мы!"… — много ещё можно дать сравнений.

Мы и тут опровергли бородатого Карлушу: "смеясь", не расставались со своим прошлым, а сохраняли его.

И… самое главное: благая роль Полякова — вовсе не осознанный его политический шаг! Типа: вошёл в Президентский совет, возглавил "Литературную газету", стал доверенным лицом Путина — значит: впрягайся в "национальное примирение", в поиск национальной же идеи… Это имело бы элемент расчёта, политической, пусть даже честной, сделки!

Нет, чистота эксперимента, красота случая — в том, что договор, с которого началась речь, был заключён и реализован в сугубо "художественной части" Юрия Полякова! В подсознании, где человек честней всего (сам внутри себя не врёт, наверное, даже Сванидзе). То, что Юрий Михайлович внутренне решился: "да, я жертвую свои 15-20 писательских лет, только чтобы не видеть распада страны, и тех 90-х", — это и сыграло так, что распада и жути в его "художественном" — нет.

Чем-то напоминает знаменитый ход Леннона против Вьетнамской (в частности) войны. Джон оплатил гигантские баннеры в центре Нью-Йорка и подобных городов: крупная надпись: "Война закончена". И рядом мельче: "Если вы этого хотите". Понять можно было и как призыв: "Ваше солидарное желание покончит войну!" И как некую медитацию: "Вот вы закрыли глаза, представили — и её уже нет!" Ведь война — в мозгах.

В общем, мысль — материальна. Что о Вьетнамской войне мысль, что о нашей гражданской, в те самые 90-е придушенной, в т.ч. — смехом, ностальгией Полякова. И согласно поговорке о том, что "честность — лучшая политика", в мае 1994-го, далёкий от парадных подъездов, всех "аналитических центров, политологических институтов" и т.д., — Поляков выдал точный прогноз в своём эссе "Россия накануне патриотического бума": "Друзья и недруги решили, что я повредился в уме от политических треволнений. В то время слово "патриот" стало почти бранным, теледикторы произносили его с брезгливой судорогой на лице".

(Не)странно, что инстанции, выписывающие "сертификат литературной рукопожатности", играют в бойкот Полякова при таком равном (СССР и РФ) распределении мишеней его сатир…

А вот неожиданный и недавний, отчасти комичный пример (неизбежная громоздкость) отношения к отношению к Полякову. 15 октября в Русском географическом обществе я выступал как один из авторов альманаха "Северный морской путь". Серьёзнейшие четыре 600-страничных тома. В перерыве ко мне подошёл один из редакторов —Александр Вычугжанин. Он, как и издатель Аркадий Елфимов, — сибиряк, общались мы до того по мэйлу, познакомились только что. И первый его спич был: "А вы тут опять замолчали 65-летие Юрия Полякова! Я следил! 12 октября по "Культуре" дали юбилей… (назвал фамилию) — да кто его знает?! А Полякова — замолчали! А у нас его — читают! Вот, хоть и с опозданием передаю: написал статью о нём".

Я, отходя от Севморпути, покивал "Безобразие!", взял статью. Уже дома заглянул в Яндекс и понял, что

а) сибиряк Вычугжанин — погорячился: да, юбилей Полякова — 12-го, но не октября, а ноября, и молчание "Культуры" это извиняет;

б) в этой его готовности, настроенности на "опять замолчали" — есть "своя сермяжная правда": люди чувствуют некую непропорциональность Вклада и Шлейфа.

Всё высказанное насчёт подсознания писателя Полякова требует от меня одного объяснения. Белинский в статье о "Мёртвых душах" уточнил: "Всё это сказал нам не автор, а его книга!" Белинский был знаком с Гоголем и боялся, что его выводы о книге спишут на доверительный междусобойчик.

Я тоже лично знаком с героем статьи, но подчеркну, что все (считанные) наши разговоры касались тем: водка (и шире — алкоголь), комсомол, Отечественная война, Украина, борьба с фальсификацией истории. Что и отражено в моих статьях или статьях о моих книгах в "ЛГ". Плюс в прошлогоднюю книгу "Век комсомола" я включил беседу о "комсомольских пьянках, банях" (частично уже была опубликована в книге "Русская водка. 500 лет неразбавленной истории").

А очень смешной рассказ Юрия Михайловича "Там человек сгорел!": про его встречу в солярии с бывшим комсомольским вождём Сергеем Станкевичем, — я (уже без спроса) процитировал, ввёл в главу, рассказывающую о распаде ВЛКСМ. Назвал её (видно, картина Полякова стояла пред взором): "Утомлённые солярием"…

Игорь ШУМЕЙКО

P.S. Автором ЛГ я уже года два-три не являюсь: это, подчёркиваю, не личностный, а свой сугубо теоретический, читательский подход.

ПОЛОТНО СУДЬБЫ

Музей Москвы приглашает на масштабную выставку текстильного дизайна

"Так как же это вышло-то,
Что всё шелками вышито
Судьбы моей простое полотно".
Из советской песни.

В ПОПУЛЯРНОЙ советской песне "Стою на полустаночке" рассказывалась незамысловатая история девушки с ткацкой фабрики. Авторами этой сугубо женской, да ещё и "пролетарской" темы были весьма непростые люди: писатель Михаил Анчаров и композитор Илья Катаев — сын Евгения Петрова и племянник Валентина Катаева. Два высоколобых гуманитария создали одну из лучших песен о фабричном счастье. Хотелось бы и дальше продолжать мысль о включённости советского интеллектуала в индустриальный процесс, но объект сегодня другой — ткани, мануфактуры, дизайн и орнамент. Цветастые полушалочки и весёлые ситчики. Типичное и прорывное. Знакомое и — удивительное.

Музей Москвы приглашает на масштабную выставку текстильного дизайна 1880 — 1980-х годов, то есть у нас есть возможность проследить, как менялись капризы, наклонности и социальные запросы на протяжении ста лет. История моды и тканей — это вспомогательная дисциплина и, на первый взгляд, крайне легкомысленная штучка. Однако в ней кроется пресловутый Zeitgest — дух времени. Кружево, шёлк или красная косынка — скажут иной раз больше, чем летописи и нормативно-правовые акты. Представлены изделия знаменитой на весь мир Трёхгорки и "Красной розы", создававшей фестивальные платки с голубем-1957, Даниловской и Голутвинской мануфактур, а плюс ко всему — эскизы, фотографии, международные дипломы и самые разные предметы, касающиеся не только производства, но и повседневности.

Это — дивная особенность всех проектов Музея Москвы: погружать в эпоху. И потому нас встречают конторские столы и кресла рубежа XIX и XX веков, альбомы с образцами тканей — словно бы минуту назад раскрытые управляющим Трёхгорки. Фрагмент лаборатории 1920-х годов — с кульманами. Но главное — реальный ткацкий станок: сложнейшая конструкция, творившая не просто материю, но и полотно судьбы. Неслучайно действие лучшей комедии Григория Александрова "Светлый путь" — разворачивается в ткацких цехах, и нам явлен фантастический подвиг малозаметной Таньки, прошедшей все ступени самопознания: от замарашки до богини. На выставке — лица тех, кто работал у станка. Показан их скромный и великий маршрут, запечатлённый в похвальных грамотах и на пожелтевших листах партийных характеристик. "Жила к труду привычная девчоночка фабричная", — пела Валентина Толкунова очень давно, в моём детстве. Сегодня мы наблюдаем их фотокарточки на музейных стендах: весёлые, строгие, задумчивые — смотрят девочки-ткачихи.

Мы узнаём фамилии стахановок, орденоносных тружениц и тех умельцев, что десятилетиями рисовали эскизы для "Красной розы", Трёхгорки, Первой Ситценабивной, Даниловской. Художник-текстильщик — это особая стезя, ибо ты заранее соглашаешься на безвестность. Знаковые фамилии — Попова и Степанова. Остальных открываешь для себя, как главы нечитанной книги! Больше того — умение владеть карандашом и кистью ещё полдела: феерический эскиз в тканевом исполнении может выглядеть по-дурацки. Бывает, что и удачный материал плохо ложится в изделиях. Текстильщик обязан мыслить на перспективу, да ещё знать конъюнктуру, вожделения "толпы". Ему нельзя крикнуть: "Я так вижу!" — и заделаться нонконформистом. Надо следовать моде, но — быть немножко гением, то есть постоянно балансировать между полётом и земной обыденщиной. Экспонаты расскажут нам о череде направлений и стилей, что в России чаще всего совпадало со сменой политических парадигм.

Путешествие начинается в конце XIX столетия, когда рост фабричного производства шёл в ногу с внедрением научных и технических знаний, а потому на месте мануфактур возникали индустриальные монстры. "Больше-быстрее-дешевле!" — вот негласный лозунг тех лет. Россия — одна из тех стран, что неуклонно развивались, и Москва-заводская была привлекательной для иностранцев: среди фабрикантов встречаются не только Мещёрины и Прохоровы, но и немцы, французы, швейцарцы.

Нам впервые (и в таком количестве!) показаны ценные эскизы 1880 — 1910-х годов (Ф. Дружинин, мастерская О. Грюна и др.). Прихотливый стиль ар нуво — с виньетками, ирисами и кувшинками на изысканном фоне. Яркий цветочек — для простонародья, и мелкая клеточка — для служащих. На все варианты и любые вкусы. Никто не должен уйти обиженным — все экземпляры выполнены с любовью. И — с желанием сорвать куш. Восточные мотивы: экзотика покоряет Европу своими красками и — тайнами. Художники по текстилю не отказывали себе в актуальных странностях: авангардные течения, вроде фовизма и кубизма, вторгаются в производство плательных материй. На экспозиции есть наброски, не уступающие тем, что делал Рауль Дюфи для "диктатора моды" Поля Пуаре, а некоторые даже выглядят много смелее парижских. Вот они, эти грубые, почти варварские цветы и фрукты — совершенно в гогеновском стиле. Важнейшая статья дохода — материал для обивки мебели. Очередная волна псевдорококо в полифоническом дизайне Серебряного века: бледные розы, букетики, оплетённые лентами, старинные рокайли — будет, чем подновить гамбсовский гарнитур. Но грянул Некто-1917, говоря словами Велимира Хлебникова, и те гамбсовские канапе отдали на растопку в домкоммуну.

Постреволюционное десятилетие — эксперимент и бесконечный поиск. Помимо слома традиций, началась активнейшая борьба за перестройку быта. Заводы и фабрики — национализированы, а фамилии хозяев — росчерком красного пера вычеркнуты из названий. Новизна должна ударять по мозгам и нервам. "Инженерия человеческого материала" коснулась и такого личного аспекта, как одежда. Функционеры утверждали, что облачение порядочного пролетария должно состоять из утилитарно-конструктивных элементов. Никаких потайных кармашков, бесполезных хлястиков и тем более — рюшей! Так родился феномен прозодежды, и её разработкой занимались ведущие дизайнеры Страны Советов — Родченко, Татлин, Попова, Степанова.

Спешно, "в сплошной лихорадке буден" придумывались агитационные ситцы. Борьба с мещанскими цветочками и буржуазной клеточкой вызвала к жизни уникальные сюжеты — трактора, электрические лампочки, стилизованные фигурки спортсменов-гребцов, шестерёнки и радиомачты. Большинство экспериментальных текстилей, при всей наивности концепции, выдают хороший вкус авторов и природное чувство ритма. Мастера (Ф. Антонов, Н. Киселёва) сочиняли целые "рассказы" для тканей: серебристо-серые дирижабли на фоне алых заводов, или телеграфные линии, проложенные вдоль просёлочных дорог. На выставке можно встретить не только "серпо-молоты", но и геометрические обманки, создающие объёмный эффект, что является высшим пилотажем для художника. Тем же самым в Париже занималась Соня Делонэ, при том, что у Поповой и Степановой получалось гораздо продуктивнее.

Утопически-замечательные опыты кончились в середине 1930-х, когда постепенно стали возвращаться классические нормы с привкусом барской старины. Презанятный узор А. Дзюбиной — её жёлтые и оранжевые цветы всё ещё похожи на шестерёнки: авторы тех лет (включая, кстати, архитекторов) не знали, куда им плыть, и потому скрещивали "машинную эстетику" с дореволюционными "дарами флоры". Дизайнерам ещё повезло, а вот зодчим доводилось буквально приставлять-приваривать ордерные элементы к рационалистическому дому-параллелепипеду. Впоследствии Дзюбина сосредоточилась на русской-народной тематике — в духе вышивок и росписей, что позволило ей совмещать условность и реализм.

О том, в какую сторону предлагали развиваться художникам, прямолинейно повествует фолиант "Очерки по истории украшения тканей" Н. Соболева, изданный в 1934 году. Здесь он раскрыт на странице "Узоры Франции XVIII века". Краснознамённым рабфаковцам и выпускникам ВХУТЕМАСа предстояло выписывать "розы Помпадур" и постигать стиль "шинуазери". Мы видим, как менялся почерк всех тех, кто начинал в 1920-х.

Декоративность Большого Стиля — платок "Победа" Е. Шаповаловой (1945). Этакое триумфальное действо с воинами, флагами, барочными включениями и классицистической композицией. Лавровый венок и цветочная гирлянда — а-ля Louis XIV. Сталинская цивилизация устремлялась не в будущее, а в Вечность. Торжественные шелка и шифоны! Вот — сирень, будто парящая в глубоком чёрном космосе (авт. В. Лотонина). Но и это прошло — царь Никита презирал имперскую лепоту, мощь и царственные манеры. Излишество — уродливо?

1957 год. На комбинате «Трёхгорная мануфактура» им. Ф.Э. Дзержинского к VI Всемирному фестивалю молодёжи и студентов создаются образцы сувенирных косынок, платков и других подарочных изделий

Дизайнерские находки Оттепели чем-то напоминают обновленческую стихию 1920-х — те же прямые углы и страсть к геометрии, борьба с красивостями и утверждение стилевой лапидарности. Допустим, эскиз А. Андреевой 1959 года очень похож на модели конструктивизма — художница с "Красной розы" подхватывает эстафету, прерванную в эпоху Большого Стиля. Вернулись подъёмные краны, машинки и — новостройки. Перед нами рисунок, созданный Е. Шумяцкой в начале 1960-х — тут запечатлена краткая биография шестидесятника — романтические сосны, парусники и, разумеется, горы, о коих бренчали барды-походники. Из этого сошьют пёстрые рубашки и летние платьица. Вот — стремительные и по виду заграничные (!) авто, несущиеся по белому фону мимо дачных домиков. Будто бы и не было последних сорока лет с их ренессансными причудами и сиренью по подолу. Радостное и ветреное чувство. Но во всём — именно, что ветер. Тонконогие столики и стриженые девочки-веточки требовали такой же необязательной, легконогой моды, а юбка-колокол с узором в виде абстрактных загогулин раскачивалась в такт 'Bésamemucho'.

В 1970-х, вместе с повзросланием ребят-шестидесятников и началом брежневской стабильности — пришло осеннее ретро. Поиск своих корней. На выставке — целый ряд эскизов с этническими и древнерусскими сюжетами. Наши специалисты не прятались и от буржуазных веяний — Н. Жовтис создаёт потрясающую коллекцию платков "Агат", "Яшма", "Изумруд" (1973) с психоделическим орнаментом, которому бы позавидовал любой западный "криэйтор" тех лет. Однако экспонаты позволяют убедиться, что в середине 1970-х настаёт пробуксовка в области художественных концепций — авторы по многу раз выдают уже сказанное, предпочитая не делать лишних телодвижений. Постмодернизм — аллюзии и перепевки. Кое-какое оживление наметилось в 1979-1981 годах, отмеченных Олимпиадой-80. Довольно интересны ткани А. Андреевой с олимпийскими кольцами на тёмном фоне и пара-тройка эскизов из мастерской "Красной розы". Слабоватый рывок происходит в конце 1980-х — на волне социально-политических изменений (эскизы Л. Рубцовой и Т. Тихомировой), но в целом это — продолжение "застоя". Привлекательно и миленько, но — типично. Это ещё раз подчёркивает синхронность исторического процесса и — модно-текстильной индустрии. Что носится в воздухе — то и выплёскивается во всех искусствах. Финальный аккорд экспозиции — макет архива, где выставлены книги с образцами шелков и ситцев. Своеобразный памятник труду и — талантам. Полотно судьбы. Нить бытия. Узелок на память.

Галина ИВАНКИНА

ХПОСТРОФ

Роджер Пирсон. Проблемы расы в современной науке. / Пер. с англ. под общей ред. В.Авдеева / Серия "Библиотека расовой мысли". — М.: Белые альвы, 2019. — 544с.

НА "ТЕРРИТОРИИ" Русской мысли всё увереннее ширится сегмент мысли расовой… Неподдельный интерес к ней проявляют всё чаще даже такие авторы и "мыслители", кои не являются в полной мере "расово-мыслящими". Так, например, А.Дугин в своём опусе "Абсолютная Родина" не без изящества формулирует: "…расовая интерпретация событий всегда была одной из самых действенных, самых гипнотических, самых захватывающих".

Выход в свет в престижной "авдеевской" серии сборника работ англо-американского расолога Роджера Пирсона сдвигает "фронтир" вышеуказанного "расового сегмента" Русской мысли на несколько "поприщ" вперёд… Сразу стоит отметить, что книги с названием "Проблемы расы в современной науке" в персональной библиографии сэра Пирсона нет. Русский редактор-издатель сконструировал её из глав разных книг Р.Пирсона, а также отдельных статей. Результат получился, справедливости ради, довольно "цельным", но нельзя не посожалеть об отсутствии библиографического указателя в книге: какая часть "откуда" взята — это придало бы изданию большую "научность"…

Радует стиль изложения автора. Ежели взять круг расологов, доселе издаваемых Авдеевым, то, как правило, англосаксы — самые "сухие", самые наукообразные (с кучей цифр, таблиц и графиков) авторы, и при этом — крайне трудночитаемые. Тогда как немцы и французы (повторимся, речь у нас идёт только о тех авторах, что вошли в авдеевскую "библиотеку"), помимо сугубо научных качеств их трудов, отличаются изрядными литературными достоинствами изложения. Пирсон явно ближе к последним. Его "нескучно" читать. Вот, для примера, краткая характеристика Средневековья "с нордической точки зрения": "Во времена Меровингов центральная и западная Европа… была столь же нордична, как сегодня Швеция. Статуи, иллюстрации к книгам, витражи, картины и литература Средних веков усиливают это впечатление. Даже Христос запечатлён светловолосым и голубоглазым на большинстве изображений северной, центральной и западной Европы Средних веков. Правящие слои всех европейских стран принадлежали к нордической расе… Равенство по рождению значило равенство в нордической крови. В южной Европе слой нордических завоевателей был значительно тоньше… Если исключить… церковные гонения, то Средние века… были подлинно нордичны по своему духу"… Сборник Пирсона включает в себя весьма содержательный очерк "расовой структуры Европы", очерк истории "ранних нордических цивилизаций" (и тот, и другой могут послужить превосходным кратким "введением в тему"). Ряд текстов посвящены детальному описанию "денордизации" у романских и у германских народов, от давних времён до современности. Вывод автора не слишком утешителен: если всё пойдёт так, как "оно идёт сейчас", то "нордические народы будут уничтожены в плавильном котле расового смешения уже в течение жизни нескольких следующих поколений. Предотвратить это может лишь пробуждение расового сознания пред лицем столь позорной участи"… Не следует мнить, что "столь позорная участь" ожидает лишь "гей-ропу" и "пиндосов". Опасность грозит и нашему, "Русскому дому", так что императив пробуждения расового сознания актуален и для нас. "Если хороша раса, то таким же будет и её дом" (Р.У. Эмерсон). Сей афоризм верен и для "Русского дома"… Особое внимание Р.Пирсон уделяет истории евгеники, а также своеобразному "заговору дисгенистов". Свои критические стрелы он направляет в "биологический эгалитаризм" и ту "научную мафию" (можно и без кавычек!), коя в антропологической науке продвигает антирасовые постулаты; по сути, мы имеем пред собою настоящий "заговор против Белой расы в науке". Особо "достоин" быть отмечен такой зловещий персонаж, как Ф.Боас и его, с позволения сказать, "школа" (коим "благодарное человечество" обязано появлению, например, полной заблуждений "декларации" ЮНЕСКО о расах 1950 года, объявляющей, что расовых различий не существует, а думающие иначе — "враги прогресса и цивилизации")…

Заключают сборник несколько биографических очерков, посвящённых западным расологам, кои в той или иной мере "идут против антирасового течения", за что и подвергаются определённым "гонениям" со стороны вышеозначенной "псевдонаучной мафии" (таким, как Дж.Ф. Раштон и др.)… Существенным недостатком книги является некоторая небрежность перевода. Она, положим, не "портит" общее изложение мыслей автора, но буквально на каждой странице мы сталкиваемся с игнорированием переводчиком устоявшейся русской транскрипции имён и фамилий иностранных учёных. К примеру, назвать Жоржа Ваше де Лапужа "Лапухом" (стр. 94), это "таки надо умудриться". Понять, что "Август Комте" (стр. 164) — это Огюст Конт, невозможно без значительного усилия, и т.п.

Впрочем, отмеченные "досадности" не отменяют общей высокой нашей оценки представляемого издания… Научно-антропологические и расово-публицистические опыты Роджера Пирсона паки подтверждают правоту классика расовой мысли, "Евангелиста Расы" (по определению его биографа Джеффри Филда) Хьюстона Стюарта Чемберлена, изрекшего: "ничто не выглядит столь убедительным, как расовое сознание".

Роман РАСКОЛЬНИКОВ

Н.И. ЛИБАН. "Русская литература. Лекции-очерки" в 2-х томах. — М.: "Прогресс-Плеяда", 2014-2015. Справки по телефону: 8 (985) 256-91-24.